

А

Вяземский П. А. Мое последнее слово // Пушкин в прижизненной критике, 1820-1827 / Пушкинская комиссия Российской академии наук; Государственный пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге. - СПб: Государственный пушкинский театральный центр, 1996. - С. 176-178.

<http://feb-web.ru/feb/pushkin/critics/vpk/vpk-176-.htm>

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

Мое последнее слово

В 7 N "Вестника Европы" напечатан ответ на мою статью "О литературных мистификациях". Почитаю его совершенно удовлетворительным. Главным побуждением моим, когда я писал упомянутую статью, было сначала отклонить от себя *худую славу* и подозрение, что *Второй Классик* мог иметь с Издателем "Бахчисарайского фонтана" разговор, подобный тому, который напечатан в 5 N "Вестника Европы": они отклонены признанием сочинителя "Второго разговора", что он им вымышлен. Вторым побуждением моим было принудить сочинителя-анонима к молчанию или объявлению своего имени. Он избрал труднейшее из двух предстоящих средств: жертва достаточная! Без сомнения, нелегко было решиться сочинителю "Второго разговора" и "Ответа" приписать к двум последним произведениям своим прозаическим (здесь говорю уже чисто и буквально о его прозе) имя, почтенное у нас как в государственном, так и в литературном отношении, - имя, которое обязывает преемника его носить оное с достоинством и честью. Наконец, сочинитель, бывший г-н N, что ныне Михаил Дмитриев, сознается в Post-scriptum перед читателями своими (в числе коих и я по несчастию своему), что он был не прав в некоторых свежих выражениях. Мне нужно было обличить безыменного сочинителя, который заставлял меня будто бы говорить не так, как я говорить привык, и будто бы слушать то, чего я слушать не должен. И я достиг своей цели. Повторяю уже сказанное мною; но в этом заключается вся сущность дела: издатель книги названной есть имя личное, точно так же, как автор книги определенной, как хозяин дома означенного; и так вводить перед публикою человека известного и определенного в разговор небывалый и несбыточный есть злоупотребление нетерпимое и преступающее за границы *дозволенного*. Границы *полемических монологов* гораздо пространнее, и потому не останавливаю сочинителя "Ответа" в новом его походе. Преимущества писателей, ему подобных, известны; известно также и право человека, себя уважающего. Он не обязан входить в полемическую распрю, в которой и самая победа его не обещает ему ни чести, ни удовольствия. Вследствие сего, крепкий собственным убеждением и мнением людей, на коих с гордою доверенностью указать могу перед лицом отечества, я вправе, я в обязанности не дорожить суждением о себе человека, мне совершенно чуждого и по чувствам и по образу мыслей¹.

Что же касается до неведения, объявленного г-м редактором "Вестника Европы"*, о *препятствиях, встретившихся при печатании поэмы, г-на Пушкина*; то долгом своим поставлю сказать следующее: призывая свидетельство г-на редактора, показал я, что он, как член Ценсурного московского комитета, должен был знать о переменах, требуемых ценсурою в поэме, по которым принужден я был войти в переписку с автором, находящимся в Одессе, и о переменах в предисловии моем, которое я старался защищать³.

Вот все, что осталось досказать к сказанному мною прежде в отношении *личной сущности* предлагаемой тяжбы; что же касается до *сущности литературной*, то, кажется, в "Разборе "Второго разговора"" (напечатанном в 8-м N "Дамского журнала") достаточно доказано, что мне неприлично и *неспоручно* входить в литературные рассуждения с Классиком, каков Михаил Дмитриев.

Сим заключаю возражения свои на прошедшие и будущие прения журнальных клеветов, говоря с Шепье:

Je reclame leur haine, et non pas leurs suffrages;
Je leur demande encore d'honorables outrages.
Contre moi rIunis, qu'ils me lancent d'en bas
Des traits empoisonnés, qui ne m'atteindront pas*.

Князь Вяземский
Москва. Апреля 23.